

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА

Зам. наркома финансов Р. П. Брюханов просматривает вновь изготовленные советские серебряные монеты перед выпуском их в обращение. Справа—монеты достоинством в 1 рубль, полтинник, 20, 15 и 10 коп.

Фот. Отто Шмидта.

РЕДАКЦИЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Гавриловская, Владимирович, пер., 3. Тел. 4-80-03, 88-77. ЭКСПЕДИЦИЯ в 1 этаж, 7 кв. 57. Тел. 41-38. Телеграф. адрес: «Москва ОГОНЕК». Тариф объявл.: 1 стран. — 40 черв., 1/2 стр. — 20 черв., 1/4 стр. — 10 черв., 1 строка вонн. в 1 кл. — 80 черв. коп. На обложку — на 50% дороже. Среди текста — в 2 раза дор. Сверхтариф — 15%, налога.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА за 12 месяцев: 1 руб. 7 черв. руб. Допускается расписка в 2 срока: до 1 мая 4 руб. и до 1 июля 3 руб. и в 3 срока (до 1 мая 3 руб., до 1 марта 2 руб. и до 1 июня 2 руб.). За границей на 1 мес. — 1/2 доллара, и до 1 июня 2 руб. 1/2. Подписка на «Огонек» принимается во всех почт.-телегр. учреждениях и во всех отделениях и агентствах Госбанка.

Ленин и Красная Армия.

Воспоминания *Н. И. Подвойского.*

Имя Владимира Ильича тесно связано с созданием Красной Армии, с ее развитием, укреплением и превращением в армию международного пролетариата. Хотя нас могли обвинить в том, что большевики, проповедуя мир, теперь сами начинают создавать какую-то новую армию, но нам надо было быть на чеку. Это было ясно Владимиру Ильичу, так как была необходимость защищаться против 5/8 частей мира. В то время существовала Красная Гвардия из рабочих. Она по существу была первым гарнизоном городских советов, но ее не было в крестьянских центрах. Острота потребности в вооруженной силе была налицо. Мы осаждали Владимира Ильича каждый день предложениями о необходимости создания вооруженной силы из рабочих и крестьян. В начале армию называли социалистической армией. Но Владимир Ильич все время уклонялся от ответа на мои прямые и определенные предложения и только на съезде по демобилизации старой армии, на особом совещании, на которое пригласили Владимира Ильича, чтобы он услышал, что говорят делегаты армии о ее тяжелом положении, Владимир Ильич дал понять, что нужно искать путей к созданию армии, что нужно сде-

лать так, чтобы почин в создании вооруженной силы исходил от самой массы. Далее Владимир Ильич участвует в совещании военных комиссаров по созданию Красной Армии, которая в то время называлась еще социалистической. На этом собрании он предложил мне набросать кратко тезисы, которые впоследствии вошли в декрет о создании Красной Армии. Он внес в предложенные мною краткие пункты такие коренные исправления, которые ясно показали, что Владимир Ильич в то время вполне отдавал себе отчет в том, что создание Красной Армии необходимо. Но вместе с тем он все же отказывался подписать манифест к населению о необходимости создания Красной Армии. После подготовительной кампании в Петрограде 29 декабря 1917 года петроградский совет вынес постановление о необходимости создания Красной Армии, но Владимир Ильич снова дал уклончивый ответ относительно обращения к массам о создании Красной Армии. Наконец, под влиянием того, что немецкий империализм начал держать себя чрезвычайно вызывающе, петроградский пролетариат создал первый батальон Красной Армии. Я пригласил Владимира Ильича проводить этот батальон на фронт и сказать напутственное

слово. Владимир Ильич вкладывает в этот первый наш батальон свою ленинскую душу, душу Октября. Он отправляет этот батальон на вокзал и, возвращаясь в автомобиле, получает от бывшего офицера несколько пуль, от которых спасается только случайностью. И после этого Владимир Ильич все же не обращается к народу от имени правительства о создании Красной Армии. 9 января собрался Третий Всероссийский Съезд Советов. На этом съезде мы ставим вопрос относительно создания Красной Армии. Солдатская секция этого съезда одобряет наше предложение и съезд принимает резолюцию о необходимости создания Красной Армии. В тот же день мы вносим на заседании Совета Народных Комиссаров декрет о создании рабоче-крестьянской Красной Армии. Этот декрет Владимир Ильич берет в руки, вносит поправки, которые показывают всю глубину мысли. Владимир Ильич четко внес исправления о том, чтобы Красная Армия строилась исключительно на началах добровольчества людей, готовых жертвовать своей жизнью для жизни республики. Здесь была намечена первая форма Союза рабочих и крестьян. Из этого видно, почему Владимир Ильич

Шестилетие Красной Армии.

Фот. Петра Оцуца.

Л. Д. Троцкий и С. С. Каменев среди красноармейцев

не считал для себя возможным обратиться в на-...лению с предложением организовать Красную Армию. Владимир Ильич считал, что правительство не может бросить народу лозунг, который может быть истолкован самым нежелательным образом. Но после того, как были проведены по всей России совещания, когда было разогнано учредительное собрание, когда собравшийся съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов сказал, что создание вооруженной силы необходимо, только тогда Владимир Ильич счел возможным приступить к разрешению этой задачи.

Это и было первым этапом создания Красной Армии. Когда после Бреста наступила передышка, то первым словом Владимира Ильича было слово относительно того, что настал новый этап в деле создания вооруженной силы и вооруженного строительства. Владимир Ильич в это время напоминает все, что ему пришлось видеть и читать по вопросу строительства вооруженных сил.

И вот Владимир Ильич говорит, что он в какой-то маленькой брошюрке французского генерала читал о том, что можно обучить военному делу в пятьдесят шесть часов. Давайте сделаем, чтобы и у нас это было. Таким образом, Владимир Ильич бросает мысль, которая потом развилась в идею всеобщего военного обучения. 22 апреля 1918 года во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет был внесен декрет о всеобщем военном обучении. Эта великая идея обозначала собою второй этап в деле создания вооруженной силы.

Тогда же у Владимира Ильича явилась новая идея о том, что для того, чтоб наша армия могла с успехом противостоять вражеским армиям, нужно, чтобы она была надлежащим образом обучена. У него зарождалась идея привлечения к строительству армии тех прежних специалистов-офицеров, которые за время революции были выброшены из рядов армии.

Когда встал вопрос относительно военной и хозяйственной блокады, Владимир Ильич представил себе весь ход той борь-

вести кампании с раз'яснением всего смысла и значения этой мобилизации для того, чтобы усилить оборону. И когда проходит эта мобилизация рабочих, он дает мысль о необходимости мобилизации крестьянских сил. Здесь проявляется тот же самый метод Владимира Ильича, то же самое осторожное нащупывание пути, чтобы усилить смычку рабочих и крестьян и делать фронт не оторванным от народа, а убедить народ, чтобы он шел сознательно в ряды Красной Армии. Такой ленинский путь, который тогда еще не был понят. Только теперь становится ясным и понятным; что в вопросе создания армии, в вопросе расширения ее квалификации и упрочении ее устройства есть один и тот же метод и подход, метод ленинский.

Затем Владимир Ильич начал искать пути, чтобы сделать молодую Красную Армию победоносной. Он говорит, что ее нужно усилить рабочими и бросает лозунг о необходимости цементировать армию коммунистами. Он обращается к рабочим наиболее сильных фабрично-заводских районов Петрограда, Иваново-Вознесенска и Урала и призывает их всех быть сейчас на службе у советской власти. И благодаря этому Красная Армия превращается в армию наступающую и бьющую врага.

Далее начинается гигантская работа. Владимир Ильич обо всем заботится, все учитывает. Он стремится к тому, чтобы армия была хорошо обучена, чтобы курсы ко-

мандного состава стали самым любимым местом молодежи. Он толкает на мысль о необходимости создания военного революционного совета республики.

После разгрома в 1920 г. врагов, после разгрома бандитского выступления в Кронштадте, Владимир Ильич подходит к чрезвычайно важному шагу.

В 1922 г. Владимир Ильич впервые бросает лозунг, что наша армия не есть только армия РСФСР, а она есть армия мирового пролетариата.

Н. Подвойский.

Вожди Красной Армии.

Фот. Петра Оцуа.

С. М. Буденный и С. С. Каменев

бы, которая должна будет развернуться напими врагами против молодой советской республики. В своих работах он дошел до необходимости создания такой силы, которая бы во много раз превосходила созданную на основе добровольчества Красную Армию. Он пришел к мысли, что необходимо подвинуть народ к сознанию стать в ряды Красной Армии по мобилизации. Он проводит мобилизацию в Красную Армию для опыта в Москве, Петрограде и Иваново-Вознесенске и предлагает про-

Из истории Красной Армии.¹

Фот. Петра Оцуа.

Первая запись в Красную Армию. За столом, в центре—начальник петроградского укрепленного района тов. Нахимсон.

В центре, на председательском месте сидит А. И. Рыков—предсовнарком, слева от него стоит пустым соломенное кресло В. И. Ленина, на диване сидит секретарь СНК Фотиева.
Слева, сверху вниз сидят: Ф. Э. Дзержинский—председ. ВСЕХ СССР, Давидов—чл. през. ВСНХ, Фрумкин—замнаркомвнешторг, Антонов-Овсеенко—председ. законодат. комис. СНК, Леплевский—председ. администрат.-финансов. ком. СНК, Г. В. Чичерин—наркоминдел, Приходько полпред УССР при правительстве СССР и Кальманович—наркомпрод РСФСР.
Справа от А. Рыкова, рядом с ним сидят: Л. Каменев—председ. СТО, Э. Сидянский—зампредреввоенсовета СССР, М. Литвинов—замнаркоминдел, Калачов—замнарком РКИ, Шейнман—чл. кол. НКФ, Свидерский—замнаркомзем РСФСР, А. Цурюпа—зампредсовнарком, Брюханов—наркомпрод СССР, Г. Крижановский—председ. Госплана, Шмидт—наркомтруда СССР и Тер-Габриэлян—чл. администр.-фин. ком. СНК Справа у края сидит Закс—пом. управдел СНК и Бейнштейн—юрисконсульт СНК. Слева, позади Ф. Дзержинского сидит управделами СНК—Горбунов.

День Рыкова.

Очерк Г. Граева.

Из двух—Рыков и Калинин.

У кабинетов обоих нет часовых с на-

сделать прием посетителей таким, каким бы хотелось, каким бы его нужно сделать.

Рабочий день Рыкова начинается в 10½ ч. А кончается...

Впрочем, кто возьмется определить, когда кончается день Предсовнаркома.

Утром, конечно, газеты...

Кстати, еще при жизни Владимира Ильича, по его настоянию, А. И. Рыков стал принимать участие в работе «Экономической Жизни», что он продолжает и по сей час. Для А. И. Рыкова газеты—материал для изучения жизни, быта, для принятия решений, для поднятия вопросов.

Газеты для него—зеркало, отражение лашей Советской действительности. Мы все читаем газеты. А. И., кроме того, мест их читать, ему они служат материалом для

Алексей Иванович Рыков в рабочем кабинете.

Фот. Отто Шмидта.

...на зан-...
...нет...
...в...
...за...
...строг...
...секрета...
...серо...
...на...
...Пр...
...С...
...увер...
...пр...
...к...
...на...
...су...
...про...
...оку

А. И. Рыков за работой.

проверки, как лучшие пожелания правительства воспринимаются и проводятся в жизнь. Пометки карандашом на самой заметке,

на полях газеты говорят его секретариату, где и что надо выписать из того, что прочел Предсовнарком. Рыков вызывает стенографистку. Он диктует письмо в «Экономическую Жизнь», диктует письма в учреждения, диктует свои пометки.

«Расследовать», «выяснить», «узнать», «собрать частные сведения», «вызвать для переговоров» — вот результаты прочтения газет.

Но не только это дают ему газеты. Его доклады всегда полны цитат из них.

В 11½ у Рыкова приемная — кабинет. В кабинете прием и совещания и просмотр почты.

Посетители определяют характером просьб.

Внимательно и пылливо всматривается и вслушивается Рыков в посетителя и в каждое его слово, стараясь уловить штрих нового быта, понять нужды, сделать обобщение. Кроме личного дела, за ним, Рыков старается найти характерное общественное.

Рыков сам из крестьян. Он бывал в деревне. Многие о крестьянских делах и нуждах ему поведала старуха — его бабка. Она научила своего внука, государственного деятеля, Рыкова, внимательно и чутко слушать и вникать в народные нужды. Этому же его учили и долгие годы ссылки.

Долгие годы ссылки приучили Рыкова не пропускать ни одного слова из того, что ему говорят. И он умеет слушать. Не даром Рыкова в ссылке, в Нарымском краю, звали «отцом», почитали за старшего. В Нарыме Рыков вел научные занятия с

ссылными, руководил кружковой работой.

На приеме перед Рыковым проходят представители мест. Докладывают о делах и нуждах. И здесь Рыков старается не пропустить бытовые штрихи, делает пометки и, окончив слушать доклад, дает поручения выяснить, расследовать, разузнать.

Прием сменяют заседания и совещания. Идет ли совещание о ножницах, о зарплате или о чем другом, Рыков всесторонне и кропотливо выясняет вопрос. В нем его сотрудники по совещанию встречают резкого противника преждевременного или постепенного прекращения прений.

Только полная ясность вопроса для всех заставит Рыкова перейти к голосованию. Только, когда высказались все или почти все, выступает он сам.

Вопросы совещаний — проработка всех основных принципиальных правительственных мероприятий.

После совещаний, если время позволяет — снова бумага заявлений, доклады. Перед Рыковым гора привезенных из последней поездки в отпуск, заявлений, просьб, жалоб, проектов. Все внимательно рассматривается и прочитывается. По всему даны распоряжения секретариату.

День и работа Рыкова тесно сплетены с днем, переживаниями и задачами Республики. Каждый день весь распорядок работы может поколебаться.

Было время, когда днями и ночами Рыков сидел на совещаниях и заседаниях только по экономическим вопросам, вопросам распределения. Партия, правительство и вся страна в напряженном внимании следили как выйдут из машины аршин ситца и пара сапог, а Рыков из своего кабинета усилием воли и мысли, рядом с рабочим, направлял организацию выпуска новых изделий.

Партия, правительство и страна всю свою волю сосредоточили на необходимости победить врага. И Рыков, выполняя их волю, садится за разрешение задачи накормить и одеть пролетария в шинели, не имея ничего кроме напряженного желания всей страной выйти победителем над врагом.

Пролетариат берет курс на новую экономическую политику и сажает Рыкова продумывать с комиссиями пути перехода. Дни и ночи соединенный с пролетариатом невидимыми нитями, связывающими их десятки лет, Рыков намечает пути, по которым пойдет пролетариат.

Сейчас Союз переживает спокойные дни, набираясь сил. Рыков сидит, с предсовнаркомского места руководит врачеванием незалеченных еще ран.

Сейчас, по регламенту Рыкова, в пять часов дня полагается обед.

На лестнице приемной, идущего домой Рыкова опознает, вышедший покурить из приемной Калинин, посетитель. Решением своего дела он удовлетворен. Он считает не только себя в праве, но и обязанным интересоваться политикой. А Рыков все знает и может раз яснить. Рыков не новичек в революционном движении, его фигура — фигура старого знакомого.

Сейчас А. И. Рыкову 43 года. В партийной работе он провел больше половины своей жизни. Он в партии уже 24 года.

Еще сейчас Рыков расплачивается своим здоровьем за прошлую революционную работу.

Он сейчас совершенно не владеет одним ухом и плохо владеет вторым. Еще совсем недавно он спас сложной операцией своего горла и нос от последствий 600-верстного путешествия на лошадях в 30—40 градусный мороз, удица из ссылки, из Нарымского края.

И Рыков раз ясняет.

ШЕСТЬ ЛЕТ КРАСНОЙ АРМИИ.

Буденновские бойцы. — Смотр 1-й конной армии в Ростове перед отправкой на польский фронт (1920 г.).

Смотр принимают С. Буденный и В. Ворошилов.

А. И. Рыков в своей библиотеке.

А. И. Рыков идет на заседание.

В часовой отдых от пяти до шести рез-
ультат телефонный звонок.

— Алло!
— Какой Наумов? Эта квартира Рыкова,
Алексей Ивановича, крестьянина Вят-
ской губернии!

— Нет, Наумова здесь нет.

В шесть часов снова совещания и засе-
дания.

Рыков Предсовнарком СССР. Рыков
Предсовнаркома РСФСР. Рыков—член По-
литбюро. Рыков... да
даже все его долж-
ности упомянуть!

В трудный день,
часов в 12 ночи,
Рыков на полчаса
пройдет по Крем-
лю и придет домой,
чтобы засесть за под-
писание доклада,
просмотрит послед-
ние крупные эконо-
мические новинки,
сделает пометки для
себя о политических
событиях текущего
дня, напишет не-
сколько бумаг и,
как роскошь, если
на удачу кто-ни-
будь зайдет, сы-
грет партию в шах-
маты.

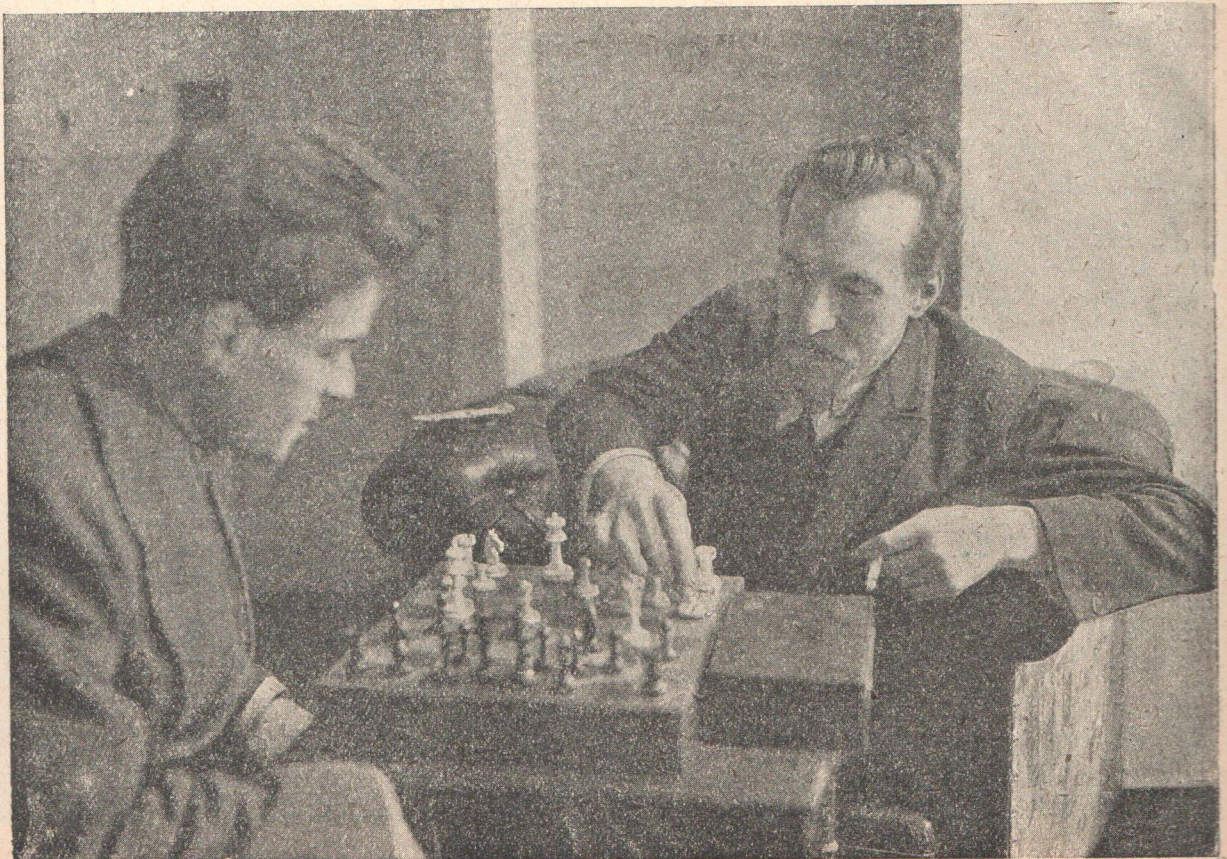
В 3—3½ ч. ночи
Рыков в постели за-
спит, чтобы за-
ней отодвинуть от сво-
его рабочего дня, на-
длежащего которого по-
казано в силах по-
казать никакие обя-
зательные постано-
вления профсоюзов,
обязательные для
этих учреждений в
отношения их сотруд-

„Хронология“ А. И. Рыкова.

- 1881. Рождение.
- 1903. Первая встреча с В. И. Лениным.
- 1905. На московских баррикадах.
- 1915. Сирийская ссылка.
- 1917. Борьба с Керенским.
- 1918. ВСНХ.
- 1919. Во главе набложения Красной Армии.
- 1921. Зам. председ. Совнаркома.
- 1924. Председатель Совнаркома и СТО.

Отдых А. И. Рыкова.

Фот. Отто Шмидта.

А. И. Рыков за шахматами.

Г. Граев.

ДОРОГОЙ ГОСТЬ.

Очерк М. Тарловского.

Это было вечером 25 февраля 1921 г. Улицы заметало снегом. Кончилось партийное собрание студентов-вхутемасовцев. На собрании погорячились. Бежали домой в приподнятом настроении. Дом был на Мясницкой (№ 21), против Почтамта. Во дворе в громадном семизэтажном корпусе под общежития студентов было тогда отведено лишь несколько квартир. В том подвале, о котором я буду говорить, студентами было занято только две квартиры в пятом этаже—№ 81 и № 82. В эти то квартиры и бежали студенты со своего собрания по темным и глухим улицам.

Начали подниматься по лестнице. На втором этаже студенты увидели огонек зажигаемой спички, при свете которой какой-то человек, сопровождаемый еще кем-то, старался разглядеть номера квартир. Был у студентов такой хороший парень—Порфирий Лямин. Он и сейчас еще у них есть и живет по-прежнему в 82-й квартире. Так вот этот Порфирий Лямин, который много разговаривать не любит, а если что скажет, то крепко и вязко, был раздосадован спичкою незнакомого человека. Надо помнить, что дело было в двенадцатом часу ночи в суровую зиму сурового 21 года.

— Товарищ, какого чорта тут шагаешься?

В это время подходит другой студент, Сенькин, и спрашивает, также не выражая большого удовольствия: «Вам кого, товарищ?» Студенты заметили, что с мужичиной были две дамы. Быстро и как бы преднамеренно быстро погасив спичку, мужчина спросил: «А где здесь, товарищи, квартира Вари Арманд?»—Варю Арманд они хорошо знали. Варя—соседка. «Варя

Арманд—пожалуйте, пятый этаж, направо». А сами, топоча валенками, поспешили вперед и разошлись по своим комнатам. Варя Арманд жила в задней маленькой комнатке. Пришедшими к ней гостями не интересовались,—мало ли к кому гостей ходит—было более важное дело—пора было есть. Порядок был у студентов такой: на каждый день назначали дежурного, который с утра до вечера вел все хозяйство, готовил пищу, мыл, прибирал и заботился о коммуне. В тот день дежурным была как раз Варя Арманд. В большой комнате, где за деревянным столом собирались все для еды, не было ни Вари, ни супа. Порфирий, как завхоз, не мог этого стерпеть, ввалился к Вале и заорал: «Варька, где суп?» Заметив женщину, Порфирий ошарашен. Одна была Надежда Константиновна Крупская, а другая сестра Вари Арманд, дочь умершей незадолго до того известной коммунистки—Инессы Арманд (все это сыграло, конечно, свою роль в истории описываемого посещения). Но Порфирий еще ничего не понимал. Он только решил не очень сердиться при женщинах (он их не узнал) и уже готов был выйти, как вдруг заметил в другом углу—Ильича, Владимира Ильича Ульянова, Н. Ленина, товарища Ленина, председателя Совнаркома, вождя революции, сказочного титана, доброго учителя—многое еще увидел Порфирий в ли е пожилого мужчины, шурившегося на него с ласковой улыбкой.

Последующие события развернулись с молниеносной быстротой. Вся квартира застыла в шемашей радости, радости города, на рынке которого открыли пророка,

радости лагеря, в котором увидели триумфатора.

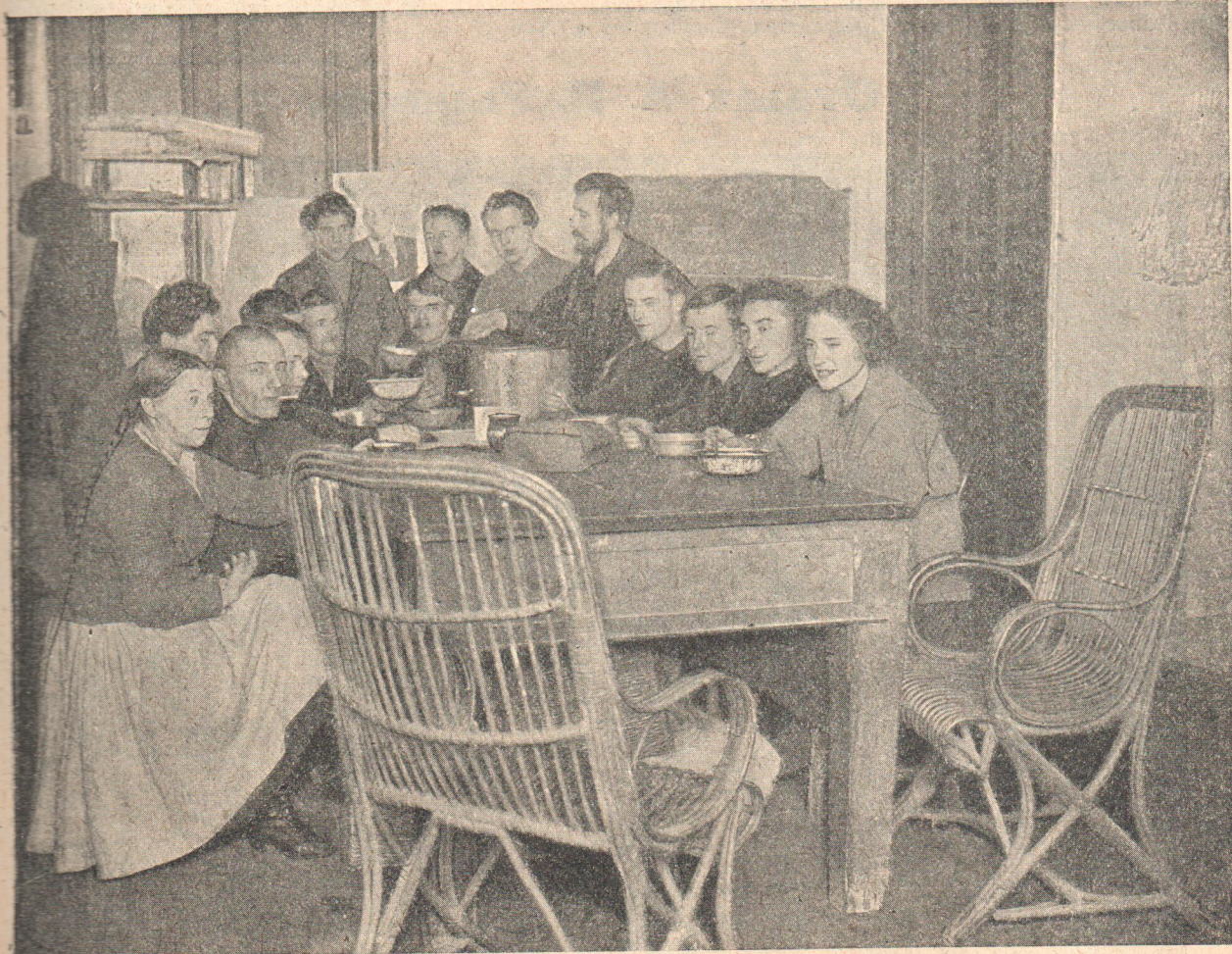
Молчаливо и с детской серьезностью организованный «Комитет действия» постановил не разглашать вести о том, что в 82-й квартире сидит Ильич. Но через несколько мгновений была сделана уступка и в 81-ю квартиру вошел с нахально-непринужденным видом студент Зегель. Он открыл дверь в одну из комнат и, заложив руки в карманы, заявил с таким видом, как будто бы его очень интересовал левый ящик забитого в угол стола: «Товарищи, у нас сидит Ленин». Провал был обеспечен. Поверить ему не могли и лавры марафонского вестника достались студентке, которая прибежала за ним и начала кричать: «Ребята, у Вари старик сидит! Старик сидит! Старик сидит!» Когда она догадалась сказать, что этот старик—Ленин, квартира опустела в несколько секунд. В маленькой комнатке Вари сгрудились все. Каждый пожал руку, которую никогда не мечтал пожать.

В это время в передней сидел человек в кожаной куртке. Его увидели раньше, чем гостей и Лямин еще тогда прибавил: «Уж не Чека ли к нам нагрязнула, товарищи?» А, увидев Ленина, Лямин понял, что это не Чека. Но тут у него явилось подозрение: не преследует ли он Ильича? (человек ничего не говорил и только сказал, что хотел бы получить стул). Выяснилось, что это шоффер Ленина. Он так и не знал, что к нему уже было приставили единственного вооруженного револьвером студента, который имелся в коммуне.

Потом стало весело. Ленина напоили чаем и угощали маслом и хлебом—

В. И. Ленин в гостях у вхутемасовцев.

Фот. Отто Шмидта.

В общежитии студентов Вхутемаса (Мясницкая 21, кв. 82). 25 февраля 1921 г. общежитие посетили В. И. Ленин и Н. К. Крупская. За столом—студенты, живущие по настоящее время в этой квартире. Пустые стулья на переднем плане—место, где сидели В. И. Ленин и Н. К. Крупская.

Ленина напоили чаем и угощали маслом и хлебом—первого у них было больше, чем второго (в этот день получили первый паек). Ленин стеснялся класть в свой стакан сахар, которого было немного, а Надежда Константиновна не стеснялась и съела две тарелки подгорелого супа в компании с одной студенткой. Гости забрасывали вопросы, но он так умело вел разговор, что вопрошаемым оказывался не он, а задававший вопросы. Его интересовало все—и почему у них электричество жгут после десяти часов вечера, и почему работают с утра до ночи, и каких держатся взглядов на искусство, и почему в одной квартире электричества больше, чем в другой (его туда тоже затащили на двадцать минут), и почему во второй квартире дымно, а в первой не дымно, и т. д., и т. д. Ему объяснили, что студенческие квартиры соединены с электрической сетью Почтамта и потому

О концессиях по добыче каменного угля.

Вопрос о концессиях по добыче каменного угля в России. Вопрос о концессиях по добыче каменного угля в России. Вопрос о концессиях по добыче каменного угля в России.

Вопрос о концессиях по добыче каменного угля в России. Вопрос о концессиях по добыче каменного угля в России. Вопрос о концессиях по добыче каменного угля в России.

Вопрос о концессиях по добыче каменного угля в России. Вопрос о концессиях по добыче каменного угля в России. Вопрос о концессиях по добыче каменного угля в России.

О торговле зерном в России.

Вопрос о торговле зерном в России. Вопрос о торговле зерном в России. Вопрос о торговле зерном в России.

Вопрос о торговле зерном в России. Вопрос о торговле зерном в России. Вопрос о торговле зерном в России.

Вопрос о торговле зерном в России. Вопрос о торговле зерном в России. Вопрос о торговле зерном в России.

Приведенные нами два оригинала, еще не опубликованных в печати речей В. И. Ленина, относятся к апрелю 1921 года и произнесены Владимиром Ильичем в Центропечати в отделе «Советская пластинка». Протографично речи записывались Владимиром Ильичем, чтобы уловить ее ровно в 3 минуты—время, на которое рассчитана грамофонная пластинка. Речь о проданологе имела очень большой успех в деревне и в Красной Армии—«Советскую пластинку» приезжали специальные ходоки за этой именно речью, производившей большое впечатление на крестьян.

могут себе позволить жечь поздно электричество. На это Ленин ответил шутилкой угрозы издать декрет о полном запрете частным гражданам пользования светом в определенные часы.

Обо всем говорил мягко, с иронической улыбкой, с сочувствием, а временами с отеческой строгостью.

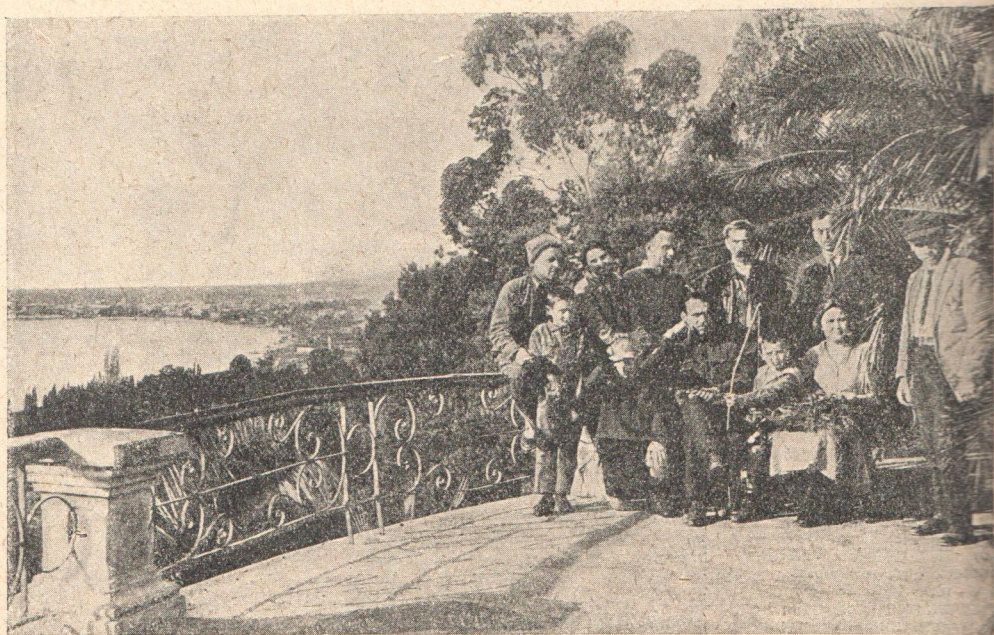
Заговорили об искусстве. Молодежь была передовая и ничего правее конструировать в искусстве, как полагается, не признавала. В их среде был только один известный художник, которого они с презрением называли маляром, но которому это не мешало писать отличные реалистические вещи. И его то работами остался доволен Ленин. «Вот это», говорит, «я понимаю. Это и мне понятно, и вам понятно, и рабочему и всякому другому человеку. А что, скажите пожалуйста, в ваших новых работах? Там я на человеческих лицах ни глаз, ни носов не нахожу».

С литературой оказалось тоже самое: Пушкина понимаю и признаю, Некрасова понимаю, а Маяковского, простите, не понимаю.

«Сильно раз я тебе, Володя, говорю», смеется Надежда Константиновна, «чтобы ты взял Маяковского да и прочитай. Ты бы его понял. Ты вот только глаза не соберешься».

Ленину попалась книжка группы «Искусство». Ему объяснили, что «Уновис» — это утвердители нового искусства. Он ответил: «Ну, подумайте, товарищи, на что же это похоже—У-НО-ВИС? Кто это знает? Студенты начинают лягаться: «Искусство Ильич, а Совварком—разе»

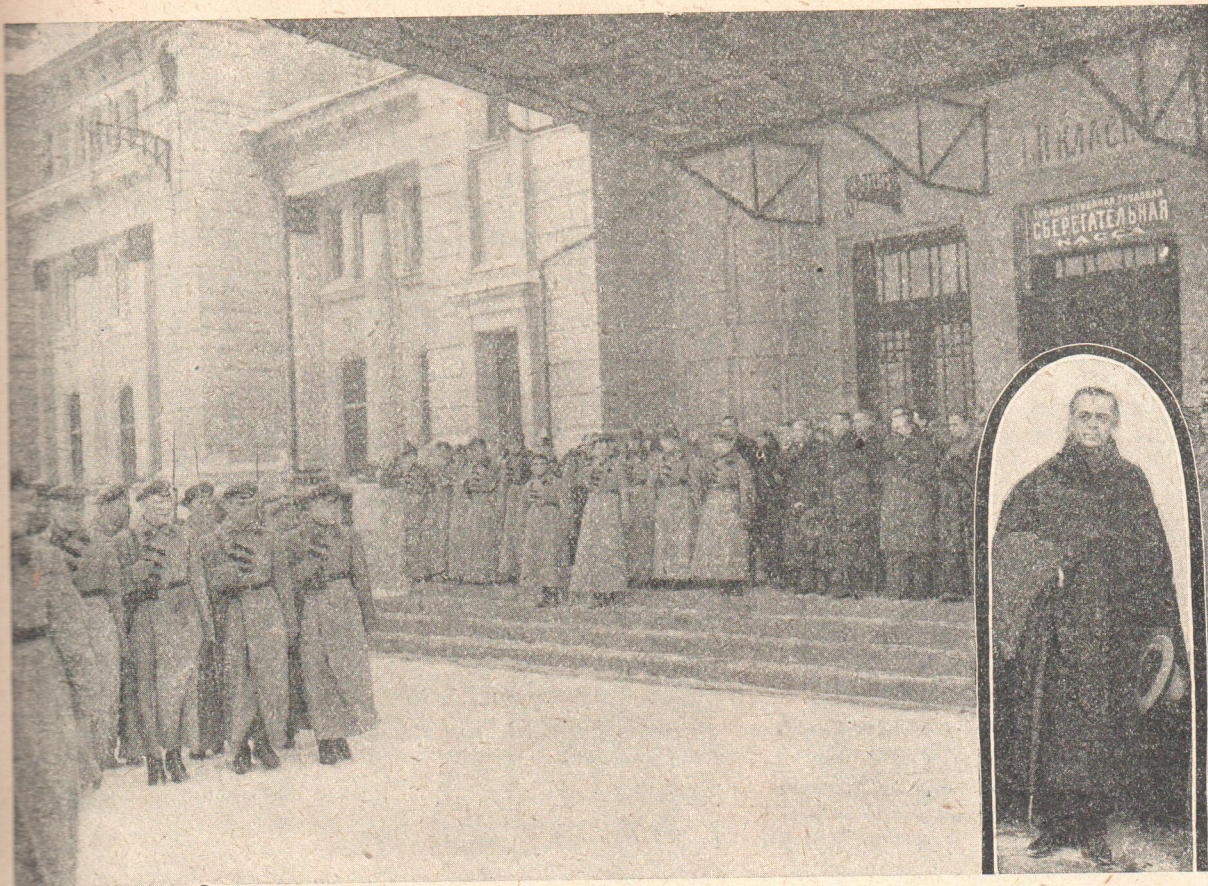
Где лечится Л. Д. Троцкий.

Терраса дачи в Сухуме, где лечится Л. Д. Троцкий. По сведениям газет, полученным в Москве, здоровье Л. Д. крепнет, общее самочувствие значительно улучшилось. Для полного восстановления своих сил Л. Д. Троцкому понадобится еще несколько недель климатического лечения в Сухуме, с его чудесной, теплой зимой. На террасе сняты семьи хозяйственного и медицинского персонала дачи, где живет Л. Д.

Новый итальянский посол.

Фот. Отто Шмидта.

На площади перед вокзалом. Гр. Манцони, прежний посол маркиз Пятерно и ответственные сотрудники НКВД при прохождении почетного караула. В овале—граф Манцони.

В воскресенье 17 февраля в Москву прибыл вновь аккредитованный итальянский посол граф Гаэтано Манцони. Его назначение последовало непосредственно вслед за признанием правительства СССР кабинетом Муссолини, дабы подчеркнуть значение, придаваемое итальянским правительством акту признания и своему представительству в Москве. Новому послу на вокзале М-Белорусско-Балтийской ж. д. была устроена торжественная встреча, в которой приняли участие воинские части московского гарнизона.

это понятно? СОВ-НАР-КОМ?» — «Вы правы, товарищи, СОВ-НАР-КОМ — непонятно. И не надо вводить в литературу сокращенных названий. Они понадобились нам под влиянием чрезвычайных обстоятельств. Только поэтому мы их должны терпеть».

Много еще было говорено.

Провожали, стараясь не шуметь, стараясь не привлечь внимания соседей и даже решили не выходить на улицу. Но автомобиль уже стоял во дворе. Гости сели и уехали.

Ленин обещал побывать у студентов еще раз. Три года ждали и не дождались.

Но через несколько дней после описанного события все студенты особым постановлением были переведены на первую категорию в получении пайка и прочих материальных благ.

М. Тарловский.

Великопольский шовинизм.

Идея постройки православного собора в византийском стиле в самом центре Варшавы, на Саксонской площади, в качестве символа владычества царских сатрапов в Варшаве, на зло вся и всем, принадлежит варшавскому генерал-губернатору Гурно. Начатая в 1891 году, постройка собора была закончена уже четвертым префектом Гурно генерал-губернатором Скалоном в 1912 г. Не менее гениальная идея разобрать громадину саксонского собора принадлежит уже коллективной мысли шовинистической части первого польского сейма, который постановил свести с лица земли «озорный» памятник. Однако, до сих пор и разборке собора польские власти не приступили из-за отсутствия средств. Разобрана лишь боковая башня. Наконец, недавно постановлено приступить к разборке. Акт вручения ключей от собора обществу, принявшему на себя обязательство, взамен за строительный материал, покрыть издержки по разборке, был обставлен чрезвычайно торжественно. Разборка собора началась 10 февраля, продолжится несколько лет. Одно снятие картин, украшающих стены внутри собора, займет три месяца.

Собор на Саксонской площади в Варшаве. Сбоку слева видны леса ныне уже разбираемой колокольни.

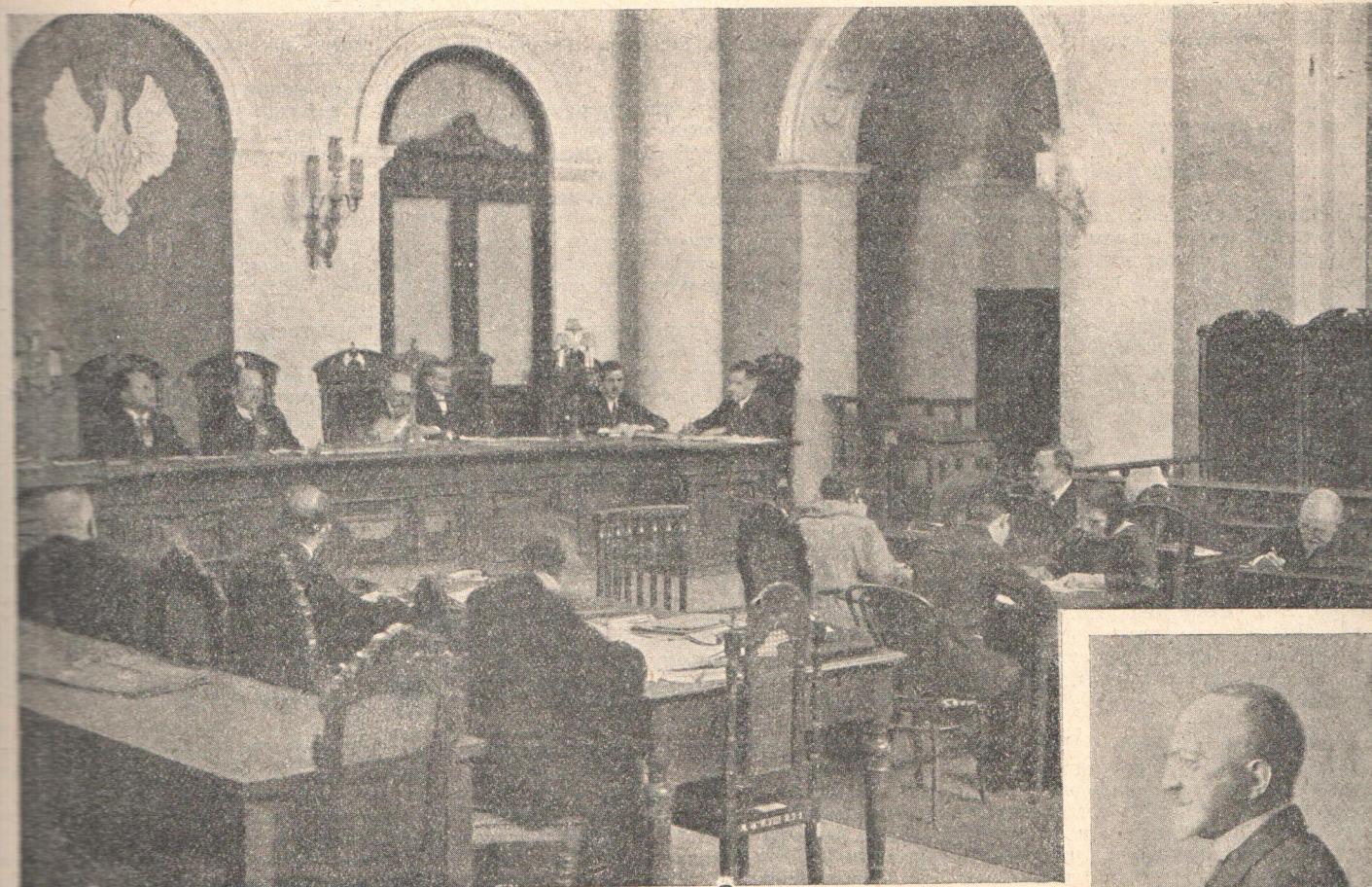

Генерал Делле ударом шпаги производит офицера, отличившегося усмирением рурских мирных жителей, в кавалеры почетного легиона.

1-го февраля в Мюнхене начался процесс бывшего вождя германской армии Людендорфа. Он и фашистский деятель Гитлер обвиняются в государственной измене, проявившейся в попытке захвата правительственной власти в Баварии.

Дело о распродаже Польши.

От варшавского корреспондента «Огонька».

Зал суда. Внизу—Ледницкий, быв. председ. польской ликвидационной комиссии при Керенском.

В течение двух недель в варшавском окружном суде разбиралось дело редактора «Газеты Варшавской» Василевского, который обвинял на страницах своей газеты бывшего председателя ликвидационной комиссии за польским делом Ледницкого в измене отечеству.

Дело это особенно раздувалось польской энциклопедией в главе с неизвестным Романом Дмовским, которые пользуются в качестве «борцов» за независимость Польши довольно таки подмоченной репутацией.

На процессе была восстановлена полная картина подличания во время войны, с одной стороны перед немецким кайзером и с другой перед Николаем Николаевичем, двух главных политических течений, возглавляемых Пилсудским и Дмовским, которые в дни великой европейской войны «боролсь» за независимость Польши.

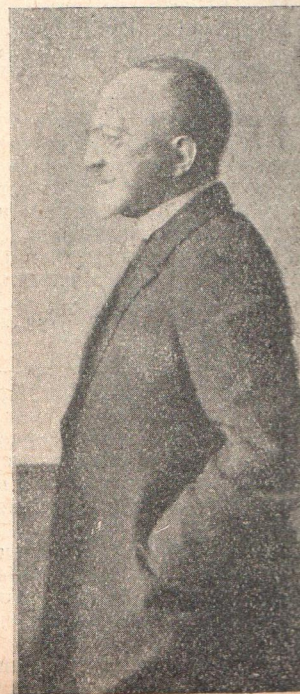
Российская революция и, последовавшая ровно через год, революция в Берлине опрокинули все планы Пилсудских и Дмовских. Польша вопреки их высокой дипломатии воскресла на развалинах империи Романовых, Габсбургов и Гогенполлернов.

Но до сих пор не прекратился, однако, между двумя политическими течениями—германофилами и москалофилами, «исторический спор» на тему, который из них в большей мере содействовало освобождению Польши. Оба, бывшие во время войны санов Вильгельма, Пилсудский и, смиренно склонявшийся в передних царских министров, Дмовский в одинаковой мере претендуют на титул «освободителей» Польши.

В содомовом приговоре, вынесенном судом, сказано, что «хотя не доказана измена Ледницкого, тем не менее нет, однако, оснований привлекать к ответственности редактора Василевского, обвинившего Ледницкого в той же измене».

Но суд истории и польских трудовых масс давно уже вынесен. Он говорит, что... оба виновны.

Мечиславский.

Поручик Клышко.

Рассказ Г. Рыкина.

I.

Матвей Иванович, что вы на это скажете?

— Коль к добру, так слава богу.

— Семен Мироныч, говорят, что они уже заняли вокзал и телеграф.

— Да чему вы все так рады? Да разобрали вы толком кто они—белые или красные?

— По моему белые, не иначе, как белые.

— Молчи ты, ради бога, не твоего бабьего ума дело.

— Тятенька, я бегал на базар, так Мишка сказал, что это бандиты.

— Молчи, постреленок! Марш домой!

— Что Егор Стеваныч, может господь даст и опять торговлю откроем?

— Коли у вас капиталы припрятаны, так и откроете. А меня обчистили так... Гол, можно сказать, как сокол.

— Да надо же разузнать, в чем дело.

— Действительно надо.

— Топчесья, топчесья тут у ворот, а толку никто не знает...

— Василий, ты парень молодой. Может сбегаешь? А?

— Действительно, Василь Палыч...

— Вася, не смей... Я одна тут не остаюсь.

— Бабье сословие всюду, как жердь на дороге.

— Жердь перескочить можно, а тут закоуристей.

— Евлампий Пименыч, может вы сходите?

— Довольно! Находился на своем веку!

Будет с меня! А почему бы вам не сходить?

— А может и в самом деле красные?

— Ну, ну... Затрещала сорока.

— Исак Соломоныч! Исак Соломоныч!

Соседка только что прибежала... Была в городе... Кажется, белые... То есть, наверное, белые... Сама слыхала, говорит, как они кричат «жиды». Ну, слава богу...

— Давид Маркович, но погрома не будет?

— То есть, кто их знает?... Надо будет посоветаться... Собрать монету... Ну, а если будет? Один раз надо пережить...

А потом пойдет жизнь, как прежде. А при большевиках нам хорошо? Мы можем что-нибудь сделать?..

— Ну, до свиданья. Пойду домой... Интересно, что скажет на это мой квартирант?.. Он ведь, кажется, коммунист...

— Хе-хе... Ну он наверное уже в подполье... Как они это называют... Хе-хе...

II.

Часов в 8 утра городишко Болотинск был занят кавалерийским отрядом.

Никого из болотинцев появление нового отряда в городе, его приветственные дебоши, захват вокзала, почты и телеграфа не удивили. За последние два года болотинцы к этому привыкли, как к дождю или снегу. Первые полчаса охватило всех сомнение:—наш или их?

— Наш ли или белый?—волновался сапожник Микитов.

— Наш ли или красный?—ворочалось в уме бывшего лабазника Чеснокова.

Но вскоре весь город мог убедиться воочию в политической окраске отряда.

Часть отряда ввалилась в партклуб, пощипала со стен все лозунги и портреты, кричала, что «довольно, попили нашей кровушки».

Лабазник Чесноков отыскал в чулане красный флаг («Вот вам и рабочий праздник. Догулялись, идола, слава богу!»), сорвал материю с дровка и полез в погреб прятать ее.

— Сожги ее, Митрыч, зачем она тебе, проклятая!—резонно заметила жена.

— Не говори, баба... Кто его знает... Может вскоре опять потребуется. Иди потом покупай...

Вскоре все болотинцы узнали, что во главе отряда стоит поручик Клышко, сын генерала Клышко, который находится в штабе Деникина.

Жена нотариуса, мадам Самохвалова, уверяла всех знакомых, что ею добыты сведения из самого верного источника, что поручик Клышко очень образованный человек, что в Рязани расстреляна большевиками его невеста, дочь предводителя дворянства.

— А вообще,—добавила она,—он очень симпатичный молодой человек.

А симпатичный молодой человек проявлял большую активность. Все немногочисленные улицы маленького города были оцеплены солдатами.

В течение часа были арестованы и отправлены в тюрьму все коммунисты, комсомольцы и беспартийные ответственные работники.

— Завтра будут вешать,—радовалась какая-то солившая старуха, смиренно обратив взоры на церковь Иоанна блаженного.

III.

Вечером, по предложению начальника отряда поручика Клышко, собралась вновь городская дума.

Открывая торжественное заседание, городской голова, убеленный сединами, присяжный поверенный Ямпольский, приветствовал от имени всего народа вступивший в город отряд и прочел текст адреса начальнику отряда.

Предложение было принято единогласно, под гром аплодисментов членов думы и всех собравшихся на это торжественное заседание.

Меньшевик Цымбалов выступил с речью, в которой заявил, что «с одной стороны он не может не приветствовать отряд, ставший на защиту демократии против диктаторов, но с другой стороны...»

Услышав о «другой стороне», председатель немедленно лишил Цымбалова слова. Цымбалов покорно слез с трибуны и, уже садясь на свое место, что то пробормотал на счет протеста и цензовых элементов.

Лишив меньшевика слова, городская дума немедленно приступила к творческой работе. Были избраны комиссии—агитационная, общественного порядка, комиссия по ликвидации профсоюзов, по регистрации всех подозрительных элементов и т. д.

Меньшевик Цымбалов вновь поднялся со своего места и требовал, чтоб эти комиссии были составлены на пропорциональных началах.

— Если наши представители не будут работать в этих комиссиях, то мы снимаем с себя всякую ответственность за работу комиссий.

Дума единодушно отвергла предложение меньшевистской фракции. (А вся фракция состояла из одного Цымбалова).

Вслед за этим, встреченный восторженными криками, на трубу поднялся сам поручик Клышко.

Поручик Клышко приветствовал представителей народа, вновь собравшихся для решения государственных дел после долгого пребывания под гнетом насильников. Он, поручик Клышко, очень рад, что дума снова возобновила свою работу, но... Тут в голосе поручика послышались железные нотки.

— Но дума не должна забывать, что Болотинск находится в прифронтовой полосе, а потому главная власть принадлежит ему, начальнику отряда.

— Я приветствую вашу самостоятельность,—добавил он,—но ни одна из ваших

комиссий не может работать без контроля прибывших в город военных властей.

Никто не возражал.

А когда расходились, многие уносили с собой расцветающие надежды...

IV.

Отцы города не дремали. После собрания думы заседали две комиссии: агитационная и регистрационная. В одной из них присутствовал сам Клышко, в другой его помощник—молодой поручик Гусев.

В 12 часов ночи в местной типографии приступили к печатанию лозунгов и плакатов городской думы.

Все эти лозунги и плакаты были кратки и выразительны. Они говорили о жестокостях чрезвычайки, о доблестях Деникина. Они воспевали добросердечных союзников и проклинали совнаркомы, исполкомы и другие «комы».

Поручик Клышко был крайне предупредителен и распорядился на рассвете выслать отряд для расклейки по городу всей этой литературы.

Утром жители Болотинска были страшно поражены:

На дверях думы был наклеен плакат: «Просят не занимать уборной более 10 минут».

На городском ватер-клизете:

«Без доклада не входить».

На ставнях дома городского головы:

«Не пейте сырой воды, в ней всякая зараза».

На дверях благочинного Благолепова:

«Вредители уничтожают значительную часть нашего урожая».

На домах всех местных деятелей:

«Взятка—гниюнок на организме государства».

Встревоженные отцы города рано утром прибежали к поручику Клышко. Услышав в чем дело, поручик Клышко при сей своей деловитости не мог не расхохотаться. Но, увидев пред собой растерянные лица думцев, он немедленно сделался вновь серьезным и приказал срочно привести к себе «негодяев, которые расклеивали плакаты».

Через пять минут перед грозными глазами начальника предстало четыре солдата.

— Да рази мы виноваты, ваше высокоородье? Нам сказали взять в углу да клеить, мы и сделали. А читать их мы не читали.

— Пошли вон!—распорядился поручик.

Был вызван хозяин типографии. Перепуганный на смерть, с не менее перепуганной женой, явился типограф.

— Ваше высокоблагородие... Мы даже спали, когда они взяли плакаты. Чем мы виноваты?.. Я им сказал, чтоб они взяли те, которые лежали в правом углу, а они, видно, забрали те старые, что лежали в левом углу...

Члены комиссии общественного порядка бегали по городу и сдирали со всех стен злокачественные плакаты...

V.

Через несколько часов неприятный случай с плакатами был забыт. Не до того было. Местные деятели, как телата, выпущенные весной из темного хлева, бегали, задравши хвосты и раскрыв рты, на собрания, совещания, торжественные обеды, молебствия и попойки. Одним словом, государственная деятельность захватила все и вся. На телеграфе образовался длинный хвост: возрожденные, вновь рожденные и только что начатые многочисленные организации спешили излить свои верноподданнические чувства его превосходительству генералу Деникину и французскому военному атташе при штабе главнокомандующего.

Но поручик Клышко пристал срочно через вестового приказ начальнику почты, запрещающий пересылку упомянутых телеграмм «по соображениям военного порядка».

— Ему виднее... Деловой, хоть и молод,— рассуждал гордской голова.

— Военная тайна—большое дело. Ее надо понимать,—наставительно заметил бывший делопроизводитель воинского начальника.

В штаб-квартире поручика Клышко работа шла во всю. Из тюрьмы приводили некоторых коммунистов, которых допрашивали Клышко и Гусев.

Приводили по одиночке всех сотрудников военкомата. После допроса их всех отправили в тюрьму. В самом военкомате был произведен тщательный обыск.

О чем допрашивали, каковы были результаты допроса, об этом в городе никто не знал.

— Это—военное дело,—спокойно рассуждал голова,—Клышко разберет... Деловой, хоть и молод...

По городу носились смутные слухи, что Козьявка, начальник мобилизационного отдела военкомата, долго шептался с Клышко и сообщил ему важнейшие данные.

Говорили также, что секретарь исполкома Иванцов заявил, что хотя он и партийный, но в партию вступил не ради идеи, а по другим мотивам.

Жители терпелись в догадках.

— «Темна вода во облацех»—вздыхал о. благочинный.

На следующее утро болотинцы высыпали из своих квартир на центральную улицу смотреть на странную процессию.

Из тюрьмы вели под охраной многочисленного отряда всю местную организацию Р. К. П.

Лабазник Чесноков стал посреди дороги и начал ругать коммунистов, адресуя, главным образом, свою ругань в сторону зав. финотделом.

Но верховой солдат так цикнул на лабазника, что тот хоть и не весьма благородно принужден был проваться.

Коммунистов ввели в партклуб, который был окружен цепью солдат.

— В чем дело?—недоумевали обыватели,—что будут с ними делать?

— Клышко знает свое дело,—разглаживая свою бороду, говорил голова,—деловой, хоть и молод...

А в партклубе в это время происходило следующее.

Секретарь парткома, тов. Смирнов, поднялся на сцену и попросил товарищей занять места и вести себя спокойно. Вслед за этим он заявил необычайно торжественным голосом:

— Собрание организации считаю открытым. На повестке дня один вопрос: текущий момент.

— Что происходит в городе?—раздались нетерпеливые голоса.

— Прошу успокоиться,—улыбался секретарь,—сейчас все будет изложено. Слов

предоставляется прибывшему из губернии тов. Герасимову.

Из-за кулис, придулив улыбку на устах вышел поручик Клышко.

В зале поднялся крик, шум...

— В чем дело? Что делает этот бандит на нашем собрании.

Покрывая все голоса, секретарь кричал: — Спокойствие! Слово товарищу Герасимову!

— Товарищи, я не поручик—не Клышко! Я—член коллегии Губчека Герасимов!

Словно электрическая волна пробежала по всей зале.

— Я—Герасимов В Болотинске был деникинские агенты. Они затесались в партию... Они были в военкомате, в исполкоме... Они были связаны с деникинскими контр-разведкой. Нами это и раньше было установлено. Но накрыть с полнотой узнать в точности не удавалось. Пришло нам сделать такой вот маневр. Операция удалась полностью. Контр-революционный гнездо ликвидировано. Теперь все оно в наших руках. В это время, когда я это говорю, товарищ Прокофьев, он же поручик Гусев, арестовывает их всех...

Герасимов не мог кончить доклад. Крики «ура» огласили залу.

Товарищ Ивиков, любитель писать резолюции, внес предложение:

— Одобрить полностью линию поручика Гусева,—то-есть, линию товарища Герасимова.

Г. Рыжков.

Колокола в Польшу.

От саратовского корреспондента «Огонька».

1. Обоз с колоколами на пути к товарной станции. Сзади—здания саратовского университета.

Общий вид «колокольного кладбища» в Саратове.

Для выполнения условий рижского мирского договора в течение 1921 года были созданы особые смешанные русско-польские комиссии под председательством П. Л. Войнова с русской стороны и Э. Кунде с польской. В задачу их, между прочим, входило рассмотрение вопросов о выдаче Польше музейного, библиотечного, железнодорожного, фабрично-заводского и частного имущества.

Как известно, в период мировой войны царские военные власти распорядились вывезти вглубь страны все драгоценные колокола из района военных действий. Никакого плана при этом не существовало. Колокола снимались, сваливались в одну общую кучу на станциях железных дорог, затем отвозились в заранее указанные места. Как общее правило, никаких отметок, откуда данный колокол взят,—не делалось, а если таковые и были, то не всегда обозначались точными, так как писались они наспех каким-нибудь полуграмотным дьячком или сельским церковным старостой. В результате распоряжения об эвакуации колоколов—их накопилось в различных местах тысячами десятками тысяч. Во времена перемены колокола эти перевозились с места на место и в конце концов наиболее значительные массы колоколов были сосредоточены в Москве, Нижнем-Новгороде, Саратове, Саратове и Ленинграде.

Так как граница между СССР и Польшей проходит таким образом, что прежний театр мировой войны расцелен ею почти на две равные половины, перед Специальной Комиссией естественно возникла задача рассортировать колокола по их территориальной принадлежности, чтобы выдать Польшу принадлежавшие ей колокола. Эта работа при отсутствии отметок на колоколах оказалась бесконечно сложной и только теперь можно сказать она почти закончена и главная масса колоколов уже выдана Польше.

На снимках изображены саратовские склады Губторга, где хранилось 12.000 колоколов.

Погрузка колоколов в вагон.

Детский сад.

Стихотворение Семена Родова.

Там, где ветрами дули
Зимы
В разбитых окон скважины;
Где следы от октябрьских пуль
Чернели, годами не сглажены;
Где огонь не горел,
Дым не дымил
И воздуха,
Открытого туманом и звездам,
Дых: ные людей не тревожило;
Где мотались плевками
Ошметки
Грязных афиш;—
Там
Песню:
Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И, как один, умрем
В борьбе за это
Поет же стилетний мальчик,
А рядом
Десятки поют расцветающим взглядом,
А рядом

Десятки сердечек замрут—
Вот-вот умрут.

Им умирать—
Не привыкать.
Смерть носилась над их головами,
Смерть стучалась в их сердца
Голодом, тифом, холерой и вшами,
Матерей абортom,
Чахоткой отца.

Ничего.
Дожили.
Не умилишь их богом,
Не испугаешь чортом—
Чорта с два!

Это новая Москва—
Шестилетняя, семилетняя.
Новая Москва—
Детский сад.

Ой, цветы мой сад весенний—
На груди значков и Ленин,
На устах советы,
В сердце комсомол.

Там, где были богачи,
Пировали,
Заедали,
Запивали,
Запевали
Ой-ли в тех особняках
Ты цветы, мой сад веселый,
На радость нам,
Врагам на страх.
Там, где были богачи
Песни новых горячи.
Была да сплыла песня-стон,
Теперь поем со всех сторон:
Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И, как один, умрем
В борьбе за это.

Это новая Москва—
Шестилетняя, семилетняя.
Новая Москва—
Детский сад.

Семен Родов.

Нефтяная панама в Америке.

Текст Г. И. Геронского.

Далекый штат Уайоминг, горная речка Салт-Крик, мало кому известное нефтяное месторождение Типотдом—малолюдные места на Северо-западе заокеанской республики—неожиданно стали злобой дня в американской и европейской прессе. Знаменитый панамский инцидент, давший в начале этого столетия свое название всем подобным, довольно обычным для добрых капиталистических стран скандалам, бледнеет перед недавно раскрытой историей, раз'яснившей, как в общем приобретаются движущие мировую промышленность нефтяные богатства.

Есть и была Америка, страна нефтяных королей. Был министр внутренних дел, только год назад покинувший этот пост—сенатор Фолл. И были другие сенаторы, которым показалось, что Фолл стал вести широкий образ жизни. И был задан вопрос о происхождении денег, на которые Фоллу заблагорассудилось приобрести большое имение. Несколько минут замешательства, сконфуженный экс-министр ссылается на чек какого-то издательства, вызов издателя в комиссию американского сената, очень ревностно следящую за всякими сенаторскими излишествами. Нить разматывается дальше, под шум десяти тысяч газет сливаются чьи то подписи на чеках, и все подробности внезапного обогащения скромного мистера Фолла постепенно выясняются.

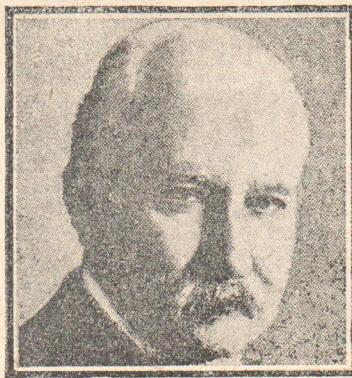
Есть, оказывается, нефтяной король, очень энергичный и независимый от мировых нефтяных компаний, смотрящий свысока даже на нефтяного бога Рокфеллера. Господин Гарри Синклер—это он, который просто на просто «одолжил» министру внутренних дел Фоллу сто тысяч долларов. Взамен Фолл ответил небольшой любезностью. Он только помог Синклеру получить кусочек казенной, принадлежащей морскому министерству нефтеносной земли в забытом штате Уайоминг. Концессия, разумеется, была проведена согласно всем статьям многотомных американских кодексов и юридических измышлений. И никто бы не обратил внимания на появление в активе синклеровского

торгового дома еще небольшого количества новых акций Типотдомской нефти, если бы Синклера не хотели задавить конкуренты и если бы в текущем году не должен был смениться обитатель Вашингтонского Белого Дома, ставший за смертью Гардинга американским президентом, член республиканской партии Куллидж.

Фолл тоже республиканец. И, немедленно после обнаружения синклеровского «одолжения», газеты демократической партии, не находящейся сейчас у власти, всеми

Мак-Аду вел в последнее время дела крупного нефтяника Дохэнни. Очень быстро выяснилось, что за какие-то, в общем совершенно лояльные и корректные юридические консультации, зять недавнего «великого человека» Америки получил гонорар в пару сотен тысяч долларов. Всем, кому нужно объяснили, что консультация Мак-Аду сопровождалась соответствующим нажимом на его исключительные связи; успех всякого проводившегося Мак-Аду дела был обеспечен. Этого, при всей чистоте морального облика Мак-Аду и законности его гонорара, было достаточно, чтобы всемогущего сенатора перестали называть кандидатом в президенты. Высокая американская нравственность, стремящаяся каждый год выдумывать даже новые глумные способы выполнения смертных приговоров, ничего так не боится, как подмоченных репутаций.

Жирные пятна далекой типотдомской нефти не только лишили обе борющиеся за власть американские партии доверия избирателей. Уже американское правительство, уже сами партии стремятся заглушить прокатившийся по всему миру скандал. Уже даже персидское правительство ставит вопрос о том, подтвердить ли предоставленное американским нефтяниками концессии на Моссильскую нефть. А главное—уже

Налево—Министр-взяточник Фолл. Направо—Миллиардер Гарри Синклер владеец больших источников нефти, подкушавший министров и сенаторов Соединенных Штатов Сев. Америки.

передовицами, фотографиями, стихами, даже объявлениями закричали о том, что республиканцы—взяточники, министр республиканец совершает нечистые сделки с казенными землями, республиканцам пора вообще убраться из Белого Дома. Быстро идут в гору акции, уже поддерживающих «демократическую» партию, банков, растут предвыборные шансы уже демократических кандидатов в президенты.

Первоначальная тревога составленного из республиканцев правительства не перешла все-таки в панику. Заработала полицейская машина, зашевелились судебские крючки и золотые во всех смыслах слова, перья республиканских, в сущности, правительственных, журналистов. Кто-то вспомнил, что виднейший кандидат демократов на предстоящих выборах, зять покойника Вильсона, сенатор и адвокат

повсеместно проникают разговоры о министерском взяточничестве, многим открыются гибельные, запутанные взаимоотношения американского правительства, трестов, банков, нефтяных компаний, оперирующих не поддающимся учету человеческим трудом, повсюду извлекающих прибыли, но распределяющих накопленные нефтяные богатства совсем не среди тех, кто эти богатства производит. Американское правительство, не перестающее упрекать Советский Союз в ведении какой-то пропаганды должно будет в результате ликвидировать поддерживающие могущество Белого Дома банки и концерны в конечном итоге—самоликвидироваться, дабы не становиться каждый день в самом для себя опасным пропагандистом, наилучшим пособником большевизма.

Геронский.

Катон младший.

Юмореска В. Василенко.

Родословная.

В жилах Катона Младшего текла смешанная кровь—аристократическая и плебейская. Мать, воспитанная в семье дворянина, умерла почти тотчас после родов, так что маленького Катона выносили с рожка. Отец—тоже Катон (старший) родился и вырос в барском доме, ничем особенным не отличался и умер в преклонном возрасте от воспаления легких.

Детство.

Синеглазый, круглоголовый Катон Младший нравился женщинам. Они охотно брали его на руки и целовали в розовые, влажные губы. Мужчины же, потрепав Катона более или менее дружелюбно за его большие, мягкие уши, говорили:

— Надо обрубить, а то у него будет совсем простецкий вид!

Первые игры.

Ушей Катону (не обрубили, и он пользовался ими для игры. Морщилицам лоб, он сводил кончики ушей на переносице, закрывая себе, таким образом, глаза. Сделав несколько кругов по комнате, Катон останавливался и сразу, прижав ушам нормальное положение, открывал глаза. Интерес игры состоял в том, что каждый раз перед глазами мог очутиться новый предмет: то ножка стула, то педаль пианино, то подставка для граммофона, то просто дверная ручка.

Первые каверзы.

Однажды (ручная серена, наша общая любимка, залетела в реверс граммофона и та задремала. Кто-то, не зная об этом, кричал вдруг машину в сад.

Боже мой, что это было!

Серена вылетела из граммофонной трубы с величайшей агрессивностью и в совершенно непристойном виде.

Все жалели симпатичную птичку. И только Катон хохотал, как сумасшедший, над бедной старушкой.

У Катона была с ним старая ссора из-за его шаловливости, которую он полагал за себя. Он не хотел, чтобы она вступила в брак с ним, и поэтому он полагал за себя.

Детская беслая, — он прекрасно понимал, что она была серена, и поэтому он полагал за себя. Он не хотел, чтобы она вступила в брак с ним, и поэтому он полагал за себя.

Первая любовь.

Катон спал, и ему приснилась Джесси, с которой на яву он встречался почти каждый день. Джесси имела свой обычный вид, но Катон испытал вдруг к ней совсем необычные чувства. Теплая, зыбкая волна поднялась у него где-то возле сердца или даже в самом сердце и покатила по животу вниз... От восторга и страха Катон взвизгнул, сильно потянул ноздрями воздух... и проснулся. Никакой Джесси не было. Он попытался было снова закрыть глаза в надежде, что чудесное видение повторится, но теплая волна, которая разбудила его и теперь не давала ему уснуть. Катон вскочил, встряхнулся и выбежал на улицу. Первое, что он там увидел была Джесси. Настоящая, живая, грациозная, милая Джесси! Катон стремительно бросился к ней; Джесси испугалась и обратилась в бегство. Но он скоро

догнал ее и обнял за плечи с такой силой и ловкостью, как будто любил уже не в первый раз...

Первые уроки.

Катона обучало сразу множество людей; науки тоже были крайне разнообразны. Но главной премудростью, которую старался внушить Катону каждый из его педагогов, было:

Служить.

И Катон, не научившийся еще различать французские глаголы (coucher apportel), не зная еще разницы между зайцем и соседским котом, на днях только убедившись, что нельзя смотреть в кипящий самовар без того, чтобы не обжечь себе нос,—этот самый Катон служил действительно идеально. Служил с пяточком на лбу и без пяточка; служил за кусок сахара и просто за щелчок по носу; служил по

Пограничная „Каф-акала“.

От нашего варшавского корреспондента.

Древняя еврейская легенда умирает человек—средняк—не очень праведный и не слишком уже грешный. Нет ему места в раю, но и в ад не пускают. Мотается его душа между вратами рая и частью геенны, и нет муки, равной мукам «Каф-акалы».

И нет горьче проклятия в устах озабоченного, затравленного тысячелетними гонениями еврея, как попасть тебе в «Каф-акалу».

Перед нами—это «Каф-акала»: затравленные, замученные, измученные еврейские пролетарии скрываются из своих местечек: из Пабияниц, Жирардовых, Згерней и Бял, и пробиваются к желанному раю, к убежищу всех угнетенных и притесненных, в пределы СССР.

На их последних трудовых гро-

шек наживается всякая хищная тварь от балагулы-извозчика, перевозящего скучный скарб беженцев к границе, до пербера-жандарма, получающего «поштучно». Но зачастую жандармы, недовольные своим «гонораром», нагоняют беженцев, насилуют женщин и бросают всех в застенки польской охраны.

Было близко пролетарское убежище, через дорожную канаву—но приходится вернуться в ад антисемитизма и пансионатской жизни.

Новые и новые жертвы ежедневно поглощает патристичное «Каф-акала», но бегство из пансионата не уменьшается.

приказу хозяина и по просьбе хозяйских детей. Одним словом, служил, служил и служил.

Задатки лицемерия.

Катон, этот заведомый негодяй и циник, притворялся, что ненавидит... поцелуй.

И что самое интересное, он отлично знал толк в этом деле. Когда приезжала моя старая тетка или провинциал-кузен, я мог поцеловаться с ними сколько угодно. Катон, бывало, глазом не моргнет; стоит в сторонке и почтительно выливает уловатым хвостом. Но стоило, например, Настеньке П. подняться в мой мезонин, как он часто садился под дверь и начинал скулить — отвратительно, лицемерно, громко, на весь дом, собирая кожу на лбу в глубокие складки и прикрывая свои фальшиво-целомудренные глаза кончиками отвислых ушей.

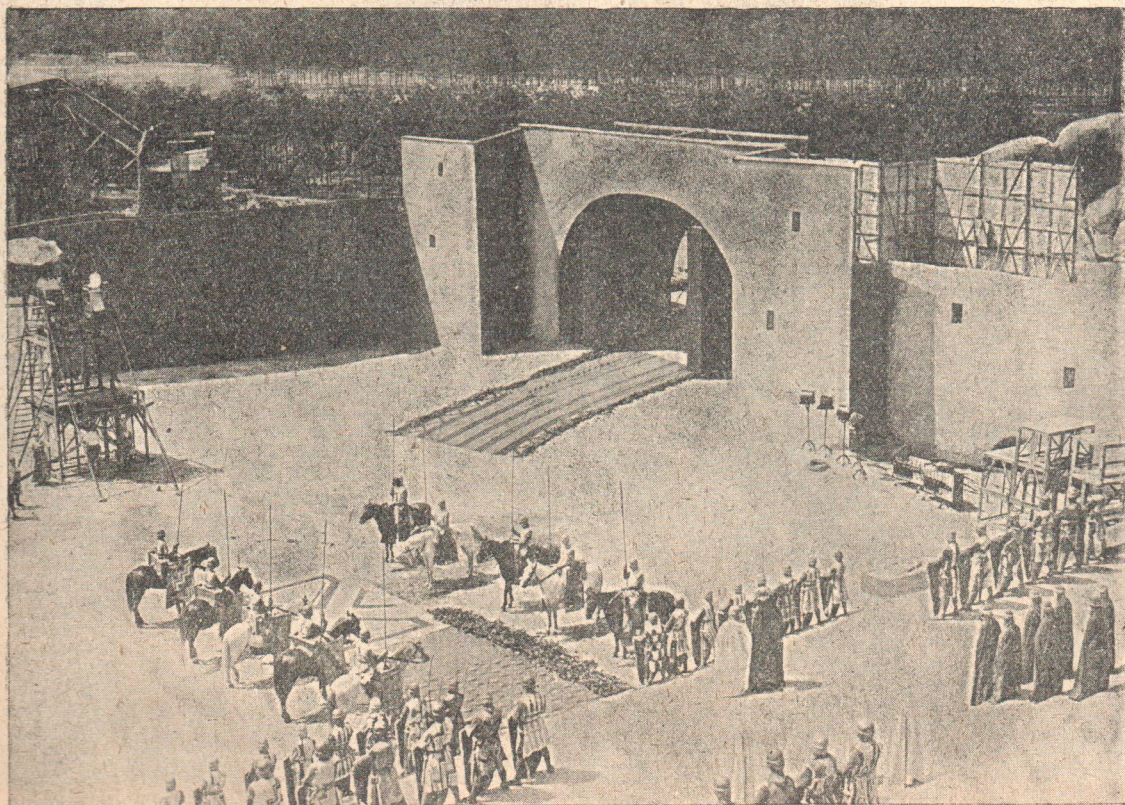
„Кино-Нибелунги“.

Фот. Дж. Грауденц.

Под Берлином уже третий месяц идет съемка исключительной даже для германских масштабов картины. Кинофабриканты надеются достичь небывалых сборов, увековечив фильмом свою знаменитую национальную легенду — «Сагу о Нибелунгах».

В расположенных под Берлином кино-городках идет лихорадочная работа. Построены десятки картонных крепостей, которые на экране будут осаждаться по всем правилам средневековой фортификации. Прорыты безводные каналы. Гле

«плывут» передвигаемые с помощью тракторов, лебеди-корабли первых Викингов. Режиссеры выпускают даже хорошо «загримированного» извергающего пламя и пену дракона. Длина «зверя» — 40 метров, в туловище помещается 11 человек, 22 артиста, двигаясь под «чумовищем» на четвереньках заставляют его подскакивать и проглатывать шлейф

Мы даем снимки готовящейся постановки на которых средневековые воины перемешаны с кино-операторами и режиссерами. А в фойе киновидеостудии слышны крики режиссеров и операторов.

Ясно, что он трус.

Когда я, скуки-ради, снимал со стены двухстволку и, прищурив один глаз, заглядывал на стволы, Катон начал бесноваться и всячески подчеркивать свою страсть к охоте. Но стоило мне взять его с собою в поле и выстрелить один раз, хотя бы просто по воробью, Катон забирался в тыл и шел за мной по пятам, тыкаясь носом в мои набулки. Я стыдил его, пробовал стегать арапником. Напрасно. Катон не в состоянии был преодолеть свою трусость и при каждом новом выстреле все больше и больше поджимал хвост.

И ханжа к тому-же!

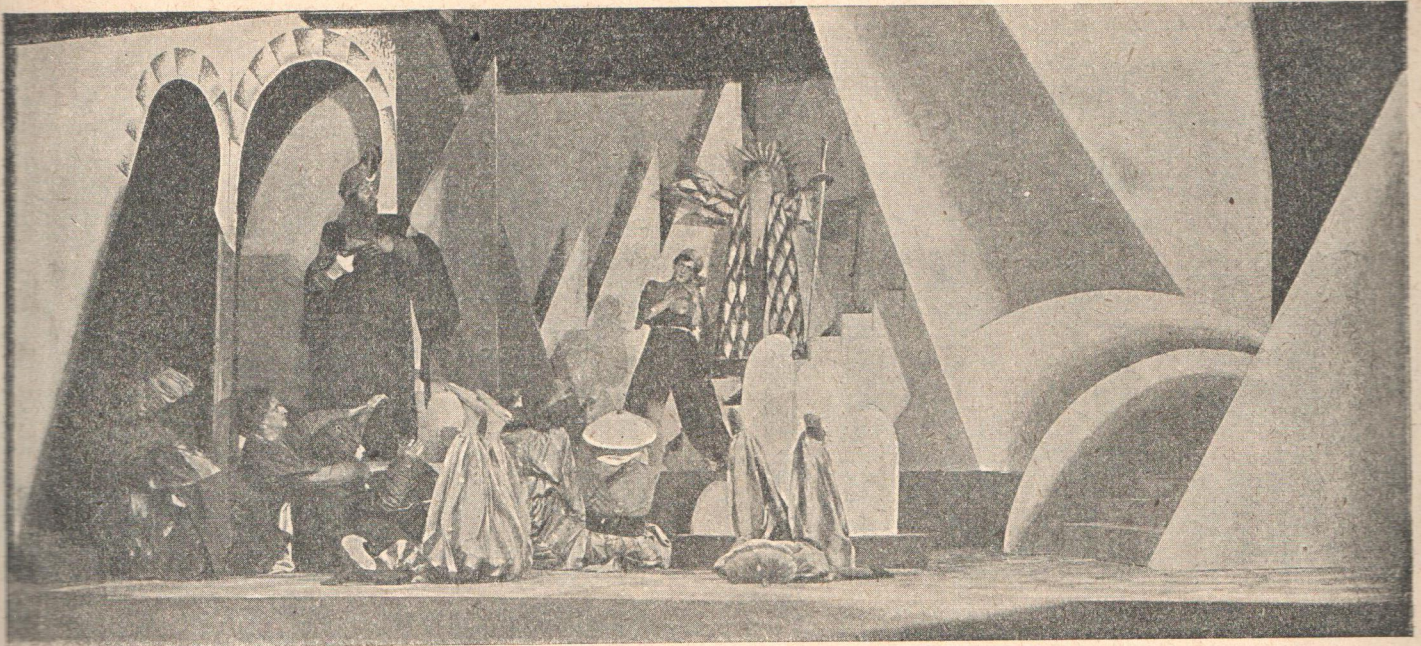
Когда моя старая тетка отправлялась в церковь, Катон считал долгом сопроводить ее до паперти. Там привратник и старухи-нищенки набрасывались на него с бранью, опасаясь, что нечистый пес войдет в храм и осквернит их святилище. Катон уступал насилью. Но он садился на асфальт у самых ступенек и, наклонив голову на бок, прислушивался к голосам певчих. Временами он издавал протяжный и мелодичный вой, явно стараясь попасть в тон церковному хору. Его глаза увлажнились, и я уверен, что, обладай он способностью речи, он попросил бы привратника поставить пятаковую свечку за упокой своего усопшего родителя Катона Старшего.

Припадок революционности.

Наступили мартовские дни 1917 года. Огромная толпа из студентов, курсисток, лавочников, зубных врачей и просто обывателей носила на руках по улицам молодого человека в земгусарской форме. Толпу сопровождал восторженно-лающий пес. Я никак не мог объяснить, за ка-

Московский театр для детей.

Фот. для «Огонька».

«Тысяча и одна ночь» — в Московском театре для детей. 4-е действие.

Революция создала целый ряд учреждений, имеющих целью воспитание нового гражданина — строителя будущей жизни. Среди таких учреждений, совершенно новых в истории у нас, но и на Западе — является Московский Театр для детей. Привлечение детей к творчеству включено в программу трудовой школы — возникла необходимость в специальном театре для детей.

Правильно снимки с постановки пьесы Н. Станка «Тысяча и одна ночь», возобновленной в этом году режиссером Грановским.

«Тысяча и одна ночь». 2-е действие.

Кто подвиги удостоился триумфа толпы великой земгусар и кто он вообще. Но четвертого манифестанта я узнал тотчас. Это был Катон. Он с утра убежал из дому и целый день провел на улице, приветствуя залившим лаем победу русской буржуазии.

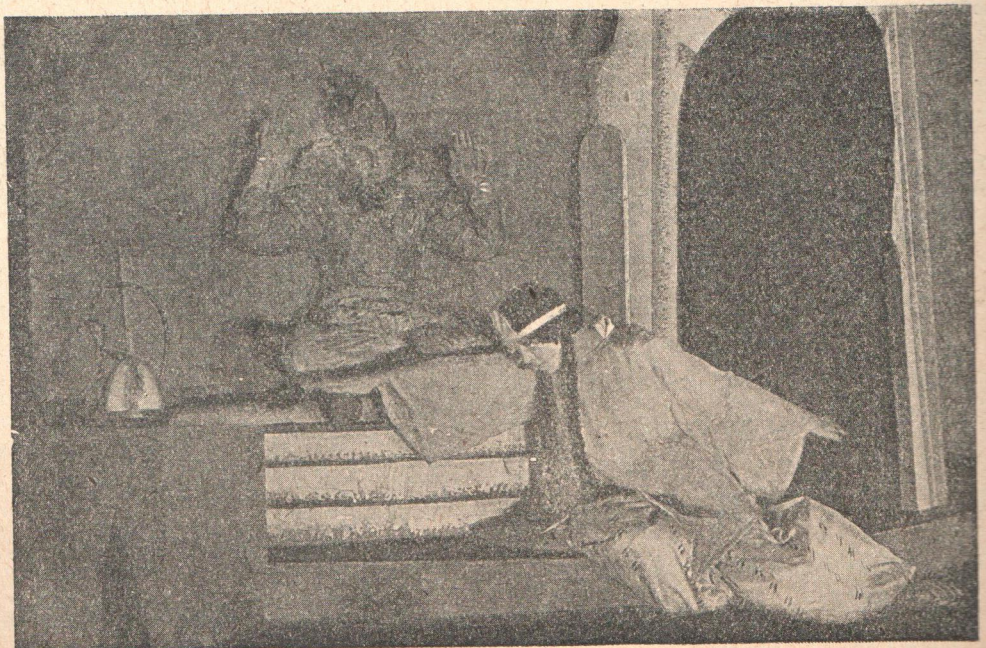
Эволюция вправо.

Катон так и не вернулся домой. В июле я увидел его на улице в обществе человека в ошейнике и спорфелем под мышкой. У человека был вид жаренованного гриба, почувствовавшего вдруг, что укусе в маринаде слишком сильно круто. Катон-же, с раскрасневшим по случаю жаркой погоды ртом. Бельше выкинул на зарпортованного человека.

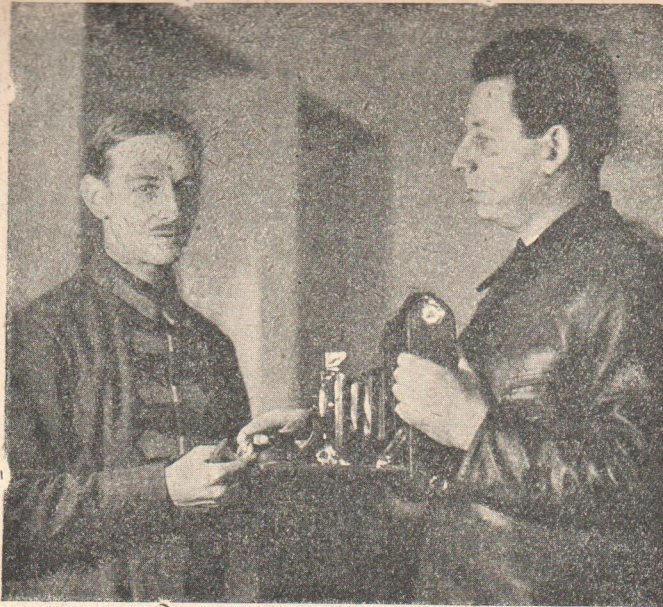
В конце августа я снова встретил Катона. Он притворно сопровождал седоусого, бывшего генерала. Оба поминутно останавливались, привлекая толпу зевак, которым генерал рассказывал, как больно продали Россию немцам за 200 миллионов золотых марок.

Смерть Катона.

Об смерти Катона Младшего рассказал мне мой товарищ, дитейщик с Путиловского завода, заложило знавший Катона.

«Тысяча и одна ночь». 1-е действие

Генеральный секретарь ОДФВ т. Орлинский вручает летчику К. К. Арсеевскому приз «Огонька» за планерный рекорд.

Семилетний «кино-король» Дженки Коган и его учитель Чарли Чаплин.

— Дело было в октябре, — рассказывал товарищ. — Залегли мы, путиловцы, на баррикаде в одном из переулков. Тишина. Жуть. Вдруг, откуда ни возьмись — собака. Вижу — Катон!

— Ты как сюда попал?

Виляет хвостом и мурчит что-то под нос: дескать, тоже вот воюю за рабочее дело.

Приласкали мы его, дали поесть. Через четверть часа, глядь — поглядь, Катона и след простыл. Убежал, думаем, домой греться. Только, вот, зашевелилось что-то впереди, за углом. Смотрим: вдоль стенки ползут на нас юнкера, а впереди — Катон. Ах, собачья шкура, погоди же. Подпустили мы их, да из маузеров — раз! Юнкера назад, кто куда. А пса уложили на месте.

Я удивлялся потом, почему никто из нападавших даже ранен не был. Оказалось — любопытная вещь! — все по собаке смолдило, до того возмутительно было предательство.

Примерная эпитафия.

Если бы понадобилось написать эпитафию на могиле Катона Младшего, то можно было бы сказать в ней, приблизительно, следующее: «Собаке — собачья смерть».

Владимир Василенко.

СПОРТ.

Фот. В. П. Микулина

Направо — т. Михайлова, получившая первенство на состязаниях Москвы и СССР. Налево — внизу — тов. Rogozina, пришедшая второй. Выше — делегатки с мест — участницы состязания.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на иллюстрированный еженедельник
„ОГОНЕК“